

НЕ МОГ НЕ СТАТЬ АКТЕРОМ...

Я ИНОГДА задумываюсь: кем бы он был, если бы не стал актером? Перебираю профессии, занятия, увлечения — громкие, значительные, трудные и вовсе пустяковые, доступные лишь дотошным чудачкам... И не могу ни на чем остановиться. Знаю точно — не смог бы он, наверно, остаться на всю жизнь верным первой своей специальности — токаря на московском «Шарикоподшипнике». Не потому, что это специальность никудышная. Нет, сын потомственных ткачей из Ногинска стал металлургом, можно сказать, по сердечной склонности. Но чтобы на том поставить точку, на веки вечные удовлетвориться достигнутым, привычным, — нет, этот красавец парень с «Шарика» был, что называется, гораздо шире запрограммирован. Жажда неизведанного, голод пробудившегося ума толкали его к книге, знали к дверям театра.

Денег на билет, как правило, не было. И он норовил проскользнуть на галерку в первом антракте. Контролеры, конечно, примечали, но никогда не задерживали этого странного любителя смотреть спектакли без начала, со второго действия. Светилось что-то не совсем обычное в его ослепительно синих глазах, озорная чертовщина какая-то пополам с тоской. Не похож был парень с такими глазами на заурядного «зайца»...

Должно быть, не случайно именно эту колдовскую синь отобрал впоследствии Эйзенштейн для Федьки Басманова в «Иване Грозном»...

Герон Михаила Кузнецова вот уже четверть века бороздят на наших экранах морские просторы, летают за облаками, вырывают хлеб, лечат людей, воюют за правду на земле. Ветер дальних странствий шумит над ними, зовет, забывает дыхание. Без этого ветра не жить его героям. Без этого ветра не жить и актеру...

Как-то вечером мы сидели у него в Москве, на Кутузовском проспекте, и перебирали, в каких городах страны он еще не бывал. Выяснилось, что таких городов совсем немного — Верхоянск, Ашхабад, Душанбе... Он сказал совершенно серьезно:

— Непременно съезжу. Что за люди там, любопытно...

Мне вспоминаются руки актера. Большие, тяжелые, они умеют быть на редкость осмысленными, убедительными независимо от того, держат ли они штурвал самолета, корабельные швартовы, боевой автомат, листают ли книгу, пробегают по хрупкой конструкции лабораторных приборов или просто лежат на плечах друга. Это руки рабочего человека: деятельные, хваткие, говорящие. Красивые руки, способные очень

многого поведать о человеке! Кузнецовский артистизм сродни удалой лихости молотобойца, тонкой красоте жеста хирурга, чуткому напряжению пальцев программиста.

Именно в познании человека через самое существенное — через целенаправленную деятельность его, через труд! — надо искать секрет знаменитых кузнецовских пауз. В крупном плане остаться наедине со значительными мыслями, за полуопущенными веками спрятать взрыв эмоций — тут мало одного мастерства. Тут, как минимум, надо иметь что прятать и с чем оставаться наедине.

Я, например, непоколебимо убежден, что В. Ивченко сильно напортил своему «Серебряному тренеру», озвучив паузы фильма. Теперь «за кадром» слышатся банальные, тусклые слова. А ведь насколько более значительно прочитывалось молчание Лутенко—Кузнецова!

Алеша в «Машеньке», Скобелев в «Тарасе Шевченко», Алексей Северин в «Без вести пропавшем», Высотин в «Командире корабля», Коваленко в «ЧП», матрос Чижик, солдат в «Марьинской» — тридцать фильмов, тридцать стремительно прожитых биографий. И совершенно неожиданный вывод: «Экран — это эпизод. Гораздо важнее то, что до и после»...

Он любит приходить в фильм со своим запасом знаний, наблюдений, эмоций. Его уже не удовлетворяет просто добротное исполнение чужих замыслов, чужой воли. Он копается в сценарии, досаждаст автору, режиссеру. Думает, ищет, предлагает, спорит... Не всем это нравится. А жаль...

У него всегда уйма творческих предложений с разных ступеней, а снимается он сравнительно редко. Почитает сценарий, раскинет умом и...остается «на простое».

— Я как застарелая невеста — больно переборчив!..

Чего же ждет Михаил Кузнецов от своих новых ролей? По каким критериям отвергает многие, порой достаточно сами по себе интересные предложения? Мне кажется, однажды я это понял при обстоятельстве, весьма далеких от кино.

Как-то, будучи проездом в Киеве, он читал мне новую свою работу для эстрады — коротенькую поэму Расула Гамзатова «В Ахвахе». У дагестанцев есть трогательный обычай: джигиты собираются под окном девушки и разом кидают туда свои папахи. Девушка выбрасывает их прочь — все, кроме папахи любимого... Поэма ведется от первого лица, от лица человека, чьей папаше так и не посчастливилось «зацепиться» в заветном окне. Сначала потому, что хозяин ее зелен был среди джигитов, а потом — оттого, что упустил он свою пору любви...

Не было эстрады, чуткого зала, концертной приподнятости. Предвечерние сумерки жались по углам крохотного гостиничного номера. Забытая сигарета в пепельнице, верхушки тополей бульвара Шевченко совсем рядом, за окном... И голос — глубокий, почти осязаемо мягкий. Безмерно доверительный голос умного, интеллигентного собеседника. Голос, в котором легко отыскивается каждому слову верная окраска, замечательно точная смысловая интонация.

Я слушал, глядел на него и, казалось, отчетливо понимал, о чем он думает сейчас. Минули годы, серебряные нити закрутились на висках... Но что-то самое главное еще не достигнуто, не сделано... И заветное, одно-единственное в жизни окно, куда, быть может, только и стоило забросить свою «папа-

ху», все как-то не случилось на пути. Или осталось незамеченным в суете житейских пустяков?..

Таковыми были эти мысли или не совсем такими, но мне в тот вечер словно бы приоткрылось великое таинство сотворчества поэта и артиста. Чужими словами артист рассказывал о себе. В стихах вдруг нашло отзвук многое, давно им самим выношенное, выстраданное, понятное. И он радостно отдавался течению авторской мысли, как музыкант-виртуоз отдается стремительному потоку вдохновенного экспромта.

Вот такой отдачи ищет он, наверно, и в киносценариях. Когда не находит вовсе, отвергает. Но если предлагаемая роль несет в себе хоть малую толику живого, трепетного тепла, если хоть что-то оказывается созвучным его собственной натуре, тогда Кузнецов жадно набрасывается на работу. Конечно, экран в сравнении с целой жизнью — эпизод. Но для успеха этого эпизода он готов отдать — и с радостью отдает! — все, что накоплено целой жизнью.

«Жизнь его была иногда продолжением, а иногда началом его книг», — сказал как-то Паустовский о Гайдаре. В известной мере это замечание справедливо по отношению ко всякому подлинному художнику. Ибо, как ни были бы порой сложны и запутанны дороги творчества, они всегда начинаются в жизни, уходят в жизнь и жизнью же выверяются.

Любой вариант судьбы был бы хуже, если бы этот незаурядный человек не стал актером. Потерял бы от этого все: и миллионы зрителей, и наше кино, и он сам...

Игорь ШВЕДОВ.